

Владимир СИЛКИН

Русская юла

Из новой книги «Чужая и наша война»

Плакучие ивы

Как в России, плакучие ивы,
Можжевательник, полынь, виноград.
И несметное поле оливы,
И питающий зелень Евфрат.

Начитались о Сирии в книжках,
Но воочию встретились с ней:
Босоногие чьи-то мальчишки —
Безотцовщина нынешних дней.

На солёное озеро снова
Опускаются птицы чуть свет.
А у этих мальчишек ни крова,
Ни понятия Родины нет.

Всё бредут и бредут по дороге.
А куда она ныне ведёт?
В кровь разбитые души и ноги,
Прикрывающий их вертолёт...

Сигареты

Хоть и не советуют — купили
В русском военторге сигарет,
Чтоб ребята молча покурили,
А потом прожили сотню лет.

И они о том расскажут дома
За столом собравшейся родне,
Как почти вблизи аэродрома
Первый раз курили на войне.

А потом не тронули ни пачки,
Что в кулках поэты принесли.
И они лежали там в заначке,
Вдалеке от неба и земли.

Получили светлые медали
За покой и близких, и чужих,
Потому, что дома очень ждали
И всегда надеялись на них.

Но почти у каждого хранится
Пачка тех дарёных сигарет.
Ну, а вдруг, и правда, так случится —
Проживут на свете сотню лет.

Выставка

Памяти художника
Людмилы Гурар

Мы в одной столовой ели,
За одним столом.
Но остались акварели
Навсегда в былом.

Золотые виды Крыма,
Солнечный Арбат.
Как цветы неповторимо
Смотрят на ребят.

Розы праздничные в вазе,
Розы на войне.
Эта выставка на базе
Грудь сдавила мне.

Всё пройдёт, и снег, и грозы,
Служба в суете.
Лишь оставленные розы
Стынут на холсте.

«Аллигатор»

Я минорный, я из грусти,
Из печали и дождей.
Я на самом деле русский,
Только в небе я ничей.

В синем небе звёзд навалом,
«Аллигатор» ищет цель.
Замурованный металлом,
Я твоей любовью цел.

А печаль моя минорна,
Потому, что ты вдали,
И любви небесной зёрна
Не касаются земли.

Но они рожают веру,
Что и любишь ты, и ждёшь.
В нашем небе, в небе сером
Поджидает русский дождь.

Прилечу к тебе сквозь вспышки,
В нежном танце закружу,
И любимому сынишке
Небо в звёздах покажу.

«Ночной охотник»

«Ночной охотник»
спать привык при свете,
При свете звёзд уходит в небеса.
Он, как в тайге охотник, всё приметит
И с высоты расслышит голоса.
Не тронь его,

иначе будет крышка,
В азарте он испытывает дрожь.
Он видит всё и,

если где-то вспышка,
То от него под землёю не уйдёшь.

Напорешься, всегда получишь сдачу,
Ему подвластны и дожди,
и мгла.
И не в пример заморскому «апаху»,
Он виртуоз,
он русская юла!

Идёт на цель, а небо сводит скулы,
Плевать ему на чей-нибудь оскал.
Ведь на земле ждёт «Чёрная акула»,
А он ей возвратиться обещал.

«Ночной охотник» курс берёт на базу,
Чтоб отдохнуть и вновь идти на цель.
Не промахнулся он ещё ни разу
От Родины за тридевять земель.

Перед вылетом

Не забудь поговорить с машиной,
Ты её, как женщину, погладь.
Каждый новый вылет для мужчины
Может и последним в небе стать.

Потому и важно экипажу,
Верить самолёту, как жене.
И шептать на ухо фюзеляжу
То, что вслух не скажешь на войне.

Загляни своей машине в душу:
Не бывает лишним разговор.
И взлетай, и никого не слушай,
Только голос сердца и мотор.

Доброта не поддаётся глазу,
И металл мечтает о тепле.
Пошепчись и прилетай на базу,
Обними машину на земле.

Собака

Она встречает самолёт
Один и тот же из полёта,
Как будто бы передаёт
Ей время возвращенья кто-то.

Сидит, как молится, она,
Бессонная и золотая,
И понимает, что война —
Работа очень не простая.

И так ей хочется взглянуть
В лицо тому, кого не знает.
Но гермошлем, чтобы вздохнуть,
Прилюдно лётчик не снимает.

Но всё равно придёт пора,
Он подойдёт, потреплет холку.
И слёзы радости с утра
Смахнёт собака втихомолку.

Тартус*

Помолились и шейхи, и принцы,
Спят на небе Аллах, Иисус.
Окликают бездомные птицы
Часовых возле базы Тартус.

Не шумит Средиземное море,
И такая стоит тишина!
Сколько ж можно разжёвывать горе,
Что, как хлеб, преподносит война?!

Мало здесь понимают по-русски,
Но и в этом далёком порту
С Богородицею светлой Тартусской
Пребывает матрос на посту.
Эта церковь далёкого века,
Но доступна, как счастье, она,
И прощает грехи человека,
Утешает во все времена.

И глаза у матроса сырые,
И от счастья пылают лица.
Беззащитная Дева Мария,
Боевой «Адмирал Кузнецов».

*Тартус — второй по величине портовый город в Сирии. В 1123 году там была построена церковь Богородицы Тартусской, и население города поклонялось Деве Марии. Сейчас в здании располагается музей.

Гумконвой

Белый мрамор
Сирийской пустыни,
Раскалённое солнце с утра.
До полсотни по Цельсию ныне
В этой самой пустыне жара.

Но колонна ползёт неустанно,
А в машинах вода
и мука.
Мир, как тонкую ниточку, тянут
Три расплавленных броневика.

А в бойницу песчаного «Тигра»
Зорко смотрит сейчас лейтенант,
Не забывший военные игры,
Что оплошность в бою
не простят.

И на сердце у парня такое!
По дороге — разруха-беда...
Но ползут,
и ползут гумконвой
В разорённые города.

Их встречают сирийские дети,
И глаза у мальчишек блестят:
Добротой их и лаской приветит
Не выдавший войны лейтенант.

Он на «Тигре» в Алеппо приехал,
К тем, кто думать забыл о тепле.
И Россия, как дальнее эхо,
Прозвучит на сирийской земле.

Сирия. Северо-запад.
Птицы на небе — к вестям.
И апельсиновый запах
Ноздри щекочет гостям.

Всё не привычно в итоге,
Не пробивает жара.
В лужах у старой дороги
Спорт с жарой мошकारа.

И забываешь, что рядом
Не затихает война,
И принимает снаряды,
Словно подарки, она.

Рыжее солнце пустыни,
Горные эти хребты,
Если возможно, отныне
Не возводите кресты.

Сирия. Северо-запад.
Утренний полумрак,
И апельсиновый запах
Не исчезает никак.

Господи! Туи! Ну, как под Москвою!
Кажется, впрямь,
не летал никуда.

Пахнет почти новогодней хвоей,
Словно бы мир возвратился сюда.

Будто бы рядом красивая сказка,
Лишь не хватает блестящих шаров.
Но в развороченных окнах Дамаска
Нынче не видно беспечных голов.

Жизненным деревом тую называли,
Жизненным деревом стал кипарис.
Всё б оно так, если птицы из стали
С неба с надрывом не падали вниз.

Как оно будет? Ни криком, ни лаской
Не успокоить сирийский народ.
Господи! Туя растёт под Дамаском,
Господи! Как под Москвою растёт.